

АЛЕКСЕЙ ФЕДОТОВ

НИКОЛУШКА

ПОВЕСТЬ

*Посвящается иеромонаху Михаилу (Чепелю),
без которого не было бы этой книги.*

Дедушка и внук

Стоящие у подъезда бабушки, которых даже произошедший год назад демонтаж лавочек не заставил изменить своему призванию регулярно, как на работу, собираться на этом месте, чтобы перемывать кости всем проходящим мимо, вдруг затихли. Их взгляды с интересом впились в седого мужчину в длинном плаще с коротко подстриженными волосами и небольшой бородой, который вёл за руку мальчика лет семи.

— Здравствуйте, батюшка! — услужливо улыбнулась Вера, которая обычно никому не улыбалась и первая никогда не здоровалась.

— Здравствуйте, — спокойно и доброжелательно ответил мужчина.

Все остальные, включая мальчика, тоже сказали: “Здравствуйте”. Когда дверь подъезда за вызвавшими такой интерес спутниками закрылась, Зина, которой явно не терпелось высказаться, оживлённо затараторила:

— Вот ведь, священник отец Николай, казалось бы, всё хорошо должно быть у него, ведь молится постоянно, а надо же, какая беда!

— Что за беда? — заинтересованно спросила Лида, которая лишь недавно была принята в это почётное сообщество и ещё не обладала должным для его представителей уровнем информированности.

ФЕДОТОВ Алексей Александрович – профессор Ивановского филиала Института управления (г. Архангельск). Религиовед, доктор исторических наук, кандидат богословия, член Союза журналистов России. В 2000 году был награжден медалью ордена “За заслуги перед Отечеством” II степени, в 2013 году Императорским орденом Святой Анны III степени, имеет другие награды. Живет в городе Иваново.

Зина снисходительно посмотрела на неё, как на человека, с которым и говорить-то, собственно, не о чем, но потом сообразила, что у неё есть шанс найти благодарную слушательницу, и скороговоркой начала рассказывать:

— Беда у него произошла несколько месяцев назад. Дочь с мужем летела с курорта, а самолёт разбился. Что там случилось на самом деле — никто не знает. Только остался сын их Николушка сиротой...

— Это тот мальчик, который с ним сейчас шёл? — уточнила Лида.

— Он самый. Живёт теперь с дедушкой и бабушкой здесь, сиротинушка... — запричитала Зина. — И ведь всё понял, но не плачет даже, такой спокойный и серьёзный...

— За что же ему так? — удивлённо спросила Лида. — Я думала, что если кто молится, то у него всё должно быть в жизни хорошо...

— “Хорошо” — понятие относительно, — вдруг грустно сказала Вера. — Отец Николай всё сокрушался, что дочь и зять слишком мирским увлеклись, даже хотели в Америку переехать и Николушку взять с собой...

— Неужели этот поп молился, чтобы они разбились? — в ужасе округлила глаза Лида.

— Типун тебе на язык! — грубо перебила её Зина. — И придёт же такое в голову! Нет, конечно! Знаешь, как он любил дочь! Он ведь молчаливый такой, ничего не говорит, а мы-то всё равно ведь всё про всех знаем!

— Так уж и всё? — усмехнулась Вера. — А что с его женой?

— Слегла она после трагедии. Еле по квартире ходит. Так что отцу Николаю и по хозяйству приходится многое самому делать.

— А что он не в рясе? — вдруг с недоверием поинтересовалась Лида. — Стесняется, что ли? Или боится?

— Чего ему стесняться? — засмеялась Вера. — А тем более бояться? Его все здесь знают. Нет, это от советских времён у него привычка осталась. Тогда запрещали священникам в подрясниках по улице ходить. Так они что придумали: закинут один край его на правое плечо, другой на левое, надедут сверху шарф и плащ — никто и не подумает, что они в церковной одежде. А скинут плащ — и сразу видно, что одеты по полной форме.

— Я думаю, что по магазинам в подряснике тоже не очень находишься, — деловито заметила Зина.

— А он хороший человек, этот отец Николай? — задумчиво спросила Лида, которую давно мучили некоторые вопросы, но она всё не знала, кому бы их задать.

— Хороший! — возмущенно передразнила её Зина. — Да он, если хочешь знать, святой. Ну, или полусвятой, в крайнем случае.

— Правда, что ли? — недоверчиво поинтересовалась Лида.

— Не знаю про святого, — задумчиво сказала Вера, — но я вот приведу тебе один пример...

Три студентки

В девятиэтажном панельном доме, где жил отец Николай, многие сдавали квартиры студентам, что было не особенно удивительно, учитывая, что университет совсем недалеко. И вот как-то на одной лестничной клетке с отцом Николаем сняли квартиру три студентки: Лиза, Марина и Лера, совсем молодые, приехали из районов, родных в городе нет.

У священника было правило: он никому не навязывался, отвечал, только если его спрашивали. Но когда он увидел сидящую на ступеньках горько плачущую девушку, всё же спросил:

— Что случилось?

— У меня всё очень плохо! — ответила ему Лиза.

— А поконкретнее?

— Да что ты можешь! — раздражённо крикнула та. — Сказать: помолись? Бог подаст? Ничего Он не подаст!

— А ты откуда знаешь? — спокойно спросил священник, и Лиза осеклась.

— Мне правда очень плохо, и я не знаю, что делать, — сказала она.

— Расскажи.

И девушка сбивчиво начала рассказывать, как встречалась с Димой, который ей и цветы дарил, и подарки, и вообще казался таким хорошим. Но потом познакомилась с Андреем и поняла, что он её судьба.

— А Дима не отпускает? — усмехнулся отец Николай.

— Хуже! — заплакала Лиза. — Я по дурусти у него семьдесят тысяч займы взяла — очень уж мне шубку хотелось. А он теперь говорит: если через три дня мне деньги не вернёшь, то я твой долг бандитам передам, и будешь ты его проституткой отрабатывать. А потом, как отработаешь, иди к своему Андриюше.

Лицо священника стало серым. Он давно привык к гадости вокруг, но каждый раз её новое проявление ранило его сердце. Станным образом как раз сегодня ему дали семьдесят тысяч — один состоятельный человек приехал в храм, долго с ним говорил, а потом вручил конверт: это вам лично, на что посчитаете нужным... И странным образом, ему показалось, что вот это и есть то нужное.

— Я дам тебе семьдесят тысяч, — сказал он. — Но одна их не отдавай, иди с твоим Андреем, и возьмите ещё кого-нибудь в свидетели.

— Но ведь Андрей ничего не знает!

— Он имеет право всё знать, раз ты связываешь с ним своё будущее. И имеет право выбирать, захочет ли он связывать его с тобой с учётом всех обстоятельств. Надеюсь, ты ещё не начала отработку своего долга?

— Нет, что вы! — возмущённо воскликнула Лиза.

— Вот и славно. Держи конверт.

Получив в руки конверт с деньгами, девушка вдруг сообразила, что произошло:

— Батюшка, а как я вам их отдам? Мне же не с чего совсем возвращать!

— Об этом не думай, — махнул рукой отец Николай. — Даром получил, даром отдаю.

— Это вы о чём?

— Не переживай. Думай, как дальше жить правильно.

И священник ушёл в свою квартиру.

— И это святой? — возмутилась Лида. — Отдал какой-то проститутке такую прорву денег!

— Да она же не проститутка! — перебила ее Вера.

— Так стала, наверное, уже!

— А вот и нет! — возразила Зина. — Рассказала она всё Андрею, а он не стал ей прошлое в упрёк ставить. Кстати, не знала Лиза, кто её избранник, а Андриюша оказался помощником прокурора. Отдали они те деньги этому Диме, а Андрей так с ним поговорил, что тот про Лизу и как зовут её забыл. И живут Андриюша с Лизонькой уже три года очень хорошо, вон в том доме, двое деток уже у них.

— А попу деньги вернуть у помощника прокурора мысли не возникло? — едко спросила Лида.

— Возникла, но это уже другая история.

Марина с Лерой, когда Лиза вышла замуж, остались вдвоём в этой квартире. И вот у Марины появился один поклонник намного старше неё. Оказывал ей разные знаки внимания, но та их не принимала. А потом заболела у неё мама, и на операцию понадобилось шестьдесят тысяч рублей. Не такие большие деньги, но студентка где их возьмёт? И попросила Марина их у своего воздыхателя займы. Тот дал безо всякого, и операция успешно прошла, мама выздоровела. А поклонник и говорит Марине: возвращай деньги или живи со мной! А ей это так поперёк и сердца, и совести! Идёт она и плачет. А тут ей Лиза навстречу, уже замужняя, вся из себя такая важная дама. “Чего ревёшь?” — спрашивает. Та ей всё и рассказала.

Задумалась Елизавета и говорит: надо нам с отцом Николаем посоветоваться. А тот как раз им навстречу и идёт. Лиза к нему подбежала и говорит: “Хотели мы с Андреем вам сегодня мой долг вернуть. Но вот у Марины

такая история... Как нам поступить?" А батюшка ей отвечает: "Это твои деньги. Поступай, как знаешь!" Елизавета ему тогда десять тысяч рублей сунула в руку, прошептала: "Давайте поможем Марине!" — "Тебе решать!" — улыбнулся священник.

"Только ты одна не ходи к нему! — назидательно сказала Лиза подруге. — А то мало ли что! Вот у моего мужа друг есть хороший, Петя, он в милиции работает, сходит с тобой!"

— И всё вернули, и потом Петя это неженатый оказался, и жили они долго и счастливо? — недоверчиво скривилась Лида.

— Почему же жили? И сейчас живут, в другом районе только. Отличная пара! — улыбнулась Вера.

— Как в какой-то противно приторной сказке тут всё у вас! — поморщилась Лидия. — Не жизненно как-то...

— Почему? — удивилась Зина. — Ещё как жизненно. А с третьей подругой ещё более странно получилось...

Положил отец Николай десять тысяч в карман, идёт к дому, смотрит, а на тротуарном бордюре сидит Гриша, молодой, а уже известный местный пьяница, и горько плачет. Увидел священника и кричит:

— Батя, спаси меня!

— От кого? — отмахнулся было отец Николай, но потом смотрит, что вроде бы всё серьёзно у парня, и говорит: — Ну, рассказывай!

А Гриша, оказывается, мало того, что пьянь редкостная, ещё и игроман. И проиграл каким-то уркам в карты, что убьёт девушку из их дома, Лера её зовут. "По пьяни, не я это был!" — ревёт. А потом говорит: "Я бы лучше себя убил, нравится она мне! Да только боюсь, что это её не спасёт!" Проревелся, упал на колени и судорожно так шепчет: "Батюшка, отец родной, согласны они за десять тысяч рублей простить мне долг этот страшный! Не оставь милостью своей!"

Отец Николай лажу сразу чувствует, опыт ведь огромный, но тут что-то толкнуло его дать этому пьянице десять тысяч, которые ему Елизавета вернула. Но при этом посмотрел так строго и говорит: "Смотри, это последний твой шанс!"

— И что? — скривилась Лида. — Не убил он эту Леру? И так бы не убил!

— Не убил — это одно, он ведь ещё и пить бросил тогда. Совсем бросил, — задумчиво сказала Вера. — А через полгода к Лере подошёл, во всем ей признался.

— А она?

— Возмутилась сначала, но потом простила его, потому что правда ведь совсем другой человек стал. Встречались они где-то год и поженились. Лера мальчика в прошлом году родила...

— Фу, какая гадость, просто розовые сопли какие-то! — возмущённо сказала Лида. — Даже слышать все это не могу! А откуда вы-то все это знаете?

— Так девчонки болтушки, сами все рассказали, — засмеялась Зина.

— Нет, мне такого мужа, как этот Николай, задаром бы не надо! — вдруг категорично заявила Лида. — Это надо же: всяким девкам и котам деньги разбазаривает! Да я, не дожидаясь крушения самолёта, insult бы с таким мужем заработала!

— Да ты можешь радоваться, что тебе повезло, — неожиданно спокойно сказала Вера в то время, как Зина от возмущения даже не находила, что сказать, только сильно покраснела. — Муж у тебя не отец Николай, а Лёва-кот, которого трезвым последний раз, как говорят, видели лет десять назад и который ничего не зарабатывает, только прошивает, помимо своей пенсии, ещё и часть твоей. Но ты должна радоваться: он же не раздаёт их другим!

Матушка Анна

Супруга отца Николая Анна после того, как её дочь и зять погибли в авиакатастрофе, стала сама не своя. Еле ходила по квартире, ничто её не радовало. Одно утешение, что внучок Коленька не полетел вместе с Леноч-

кой. Алексея ей было не особо жалко, скорее наоборот: зачем он не послушался тещу, что незачем никуда лететь? Теперь вот погиб, но он-то был ладно: взрослый мужик, чего его ещё жалеть, а вот Лену жалко! Хорошо, что она, умница, послушалась матери и Коленьку никуда не потащила.

После того, что случилось с дочерью, Анна не захотела больше ходить в храм, да и дома молиться ей не хотелось. Мужа она стала постоянно “пилить”:

— Что толку-то в твоих молитвах? Разве вернёшь ими Леночку?

Тот горько молчал, чувствуя, что говорить сейчас бесполезно. А жена не только на него срывалась, но и на прихожанок, которые звонили ей, пытаясь поддержать в горе:

— Шли бы вы знаете куда со своим утешением! И хватит меня называть, как какую-то тёмную попадьё, матушкой Анной! Я институт тридцать лет назад закончила, между прочим! Анна Дмитриевна я, вот я кто!

И, повесив трубку, бросалась на подушку, горько рыдая.

Коля сначала сторонился бабушки, пытающейся излить на него потоки нежности, пожалуй, столь же отгалкивающей, как и её истерики, но где-то через месяц подошёл к ней с какой-то книгой и попросил:

— Почитай мне.

— Что это за книжка? — поинтересовалась та, а увидев, махнула рукой:

— А, сказки все это!

— Это не сказки! — неожиданно твёрдо сказал ей внук. — Это житие святителя Николая Чудотворца.

— Не сказки? — удивлённо посмотрела на него Анна. — А ты это откуда знаешь?

— Знаю. Он дедушке очень часто помогает. Дедушка его не видит; другой раз сам и не хотел бы что-то сделать, а святитель Николай рядом ему подсказывает, он и делает.

— А ты его видишь? — испугалась бабушка, подумавшая, что внук её сходит с ума от нервного потрясения, вызванного смертью родителей.

— Нет, не вижу. Но всё знаю.

Успокоившись предположением, что это обычные детские фантазии, Анна Дмитриевна поинтересовалась:

— А как же дедушка делает то, что он не хочет? Где же его свобода воли? Он что, как марионетка?

— Нет, почему же, — рассудительно ответил Коля. — Он молится каждый день утром: “Святитель Николай, управь меня всё делать правильно в этот день”, — а тот и управляет.

Удивлённая Анна открыла книгу на первом попавшемся месте:

— Ну, давай почитаем. “В Патарах жил человек, у которого было три дочери-красавицы. Некогда он был очень богат, но потом веледствие несчастных обстоятельств впал в крайнюю нужду”.

Она читала, как мужчина, оказавшись в критической ситуации, повёл себя, прямо сказать, очень плохо. Как было написано в книге, “несчастливого отца, потерявшего надежду на улучшение своего положения, нищета привела к ужасной мысли — пожертвовать честью дочерей, извлечь из их красоты средства к существованию”. “И кем же он хотел их сделать? Содержанками или сразу проститутками?” — с грустью подумала Анна, много раз ранее читавшая эту историю, но теперь, после смерти дочери, пропустившая её через своё сердце и проникшаяся жалостью к этим девушкам, которые были моложе её Лены, и ненавистью к их отцу. И когда она, хорошо знавшая то, что будет дальше, читала внуку, как святитель Николай бросил в окно этому человеку сначала один узелок с золотом, а когда тот использовал его, чтобы выдать замуж старшую дочь, подкинул ему и второй, и третий, и тем самым не только спас девушек от позора, но и помог им устроиться в жизни, ледяной панцирь, сковавший её душу после известия об авиакатастрофе, начал стремительно таять. На глаза у Анны неожиданно навернулись слёзы.

— Ты говоришь, что это святитель Николай заставляет нашего отца Николая делать то хорошее, что он делает? — улыбаясь сквозь слёзы, спросила она внука.

Тот удивленно поднял на неё глаза:

— Ты давно уже не называла дедушку отцом Николаем!

— Да, после катастрофы, и была неправа. Так ты мне не ответил.

— Да, именно он, но не заставляет, а помогает ему! — серьёзно подтвердил Николушка.

В этот момент в комнату заглянул священник, заинтересовавшийся их разговором:

— И о чём тут речь?

— Да вот, выходит, зря я тебя ругала из-за тех денег, которые ты девчонкам да пьянице отдал.

— Это какие деньги? — нахмурился отец Николай.

— Да про которые Зина мне рассказала.

— Не было же ничего! — раздражённо махнул рукой священник.

— Да нет, было. Но может, и правда ты тут ни при чём, а всё это святитель Николай сделал! — улыбнулась Анна.

— Хорошее сделал? — мягко спросил отец Николай, почувствовавший, что в его жене происходят какие-то очень значимые перемены.

— Очень хорошее, — тихо ответила она ему. — Возьми нас завтра с Николушкой в церковь, когда пойдёшь на службу, хорошо?

— Хорошо, — ответил священник.

А Коля подошёл к ним и обнял дедушку с бабушкой. Он чувствовал, что что-то очень плохое отошло от них сейчас, а у самого у него ушли все силы.

— Я очень хочу спать! — сказал мальчик.

Комиссия по помилованию

Отцу Николаю что только не приходилось делать помимо службы: на священника в России в начале третьего тысячелетия возлагают столько “житейских попечений”, что порой возникает мысль: а не специально ли это делают, чтобы он занимался всем, чем угодно, кроме непосредственно богослужебной деятельности? В области, где он служил, священников куда только не включили: и в общественную палату, и во всевозможные общественные советы при разных структурах, а отца Николая вот даже в комиссию по помилованию при губернаторе, хотя в такие комиссии священнослужителей обычно не включали. А тут подумали: пусть будет кто-то в рясе, “для экзотики”. И вскоре о своём решении пожалели: уж очень неудобным оказался протоиерей Николай, не умел совершенно “работать в команде”, и на всё своё, никому не нужное мнение имел: видите ли, христианская и пастырская совесть его не может позволить молчать.

Прошение о помиловании подали три бизнесмена, которые, как хорошо знали все члены комиссии, были ни в чём не виноваты, но перешли дорогу одному крупному чиновнику и теперь вот отбывали наказание. Сердце подсказывало членам комиссии, что нужно бы удовлетворить их прошение и рекомендовать губернатору направить ходатайство об их помиловании президенту. Но разум подсказывал им, что поступить так будет крайне опрометчиво, потому что жалость к другим — роскошь, которую не каждый может себе позволить, особенно если это за свой счёт, и воздастся ли по делам — кто ж это знает? А чиновник — вот он, вполне реальный, пришёл на заседание и говорит, что ни в коем случае не надо ходатайство это удовлетворять.

И тут, как назло, это поп вылез со своими дурацкими речами. Ничего ведь особенного не сказал: просто про то, что всё, что мы делаем другим, мы делаем самим себе, что всё возвращается, про милость к падшим, а особенно — к невинно страдающим. Так от его речей всех проняло, что проголосовали они все за помилование, вопреки всем заранее достигнутым договорённостям. А что самое удивительное: даже чиновник это стерпел; сказал только, чтобы этого попа в комиссии больше не было. Повод убрать отца Николая из её состава легко нашли: в соседних регионах священнослужителей в подобных комиссиях не наблюдалось, значит, и здесь ни к чему. А священник и рад, такую ношу с него сняли.

Но самое странное произошло дальше. Трое из членов комиссии, которые много чем другим помимо заседаний в ней занимались, перешли дорогу мэру областного центра. И сильно так перешли, что замаячила над ними угроза возбуждения уголовного дела: это где-то в других субъектах Федерации принцип разделения властей работал, как часы, а в этой области о нём только на занятиях для студентов-юристов вспоминали, и то больше для того, чтобы “поржать”. Вот тогда-то и вспомнили они про отца Николая и про то, как тот заступился тогда на заседании за невиновных, никого не побоявшись. Очень хотелось им его попросить, чтобы он и за них слово замолвил, но как-то стыдно было.

А отец Николай как будто услышал их, и сам, по своей инициативе пошёл к тому чиновнику, которого так тогда разозлил. Тот же как будто ждал его:

— Ну, что тебе опять от меня надо? — устало спрашивает.

Начал ему священник объяснять, что не виноваты эти трое, а тот рукой машет:

— Помнишь, как у Крылова: “Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать”? Не в то время и не в том месте они оказались.

А отец Николай смотрит ему в глаза как-то странно, и кажется чиновнику, что не только этот поп, но кто-то неизмеримо более значимый сейчас к нему обращается.

— Ладно! — махнул он рукой. — Решим! Одно условие: больше ко мне не приходи, а то слишком плохо ты на меня влияешь!

Снял трубку телефонную, сделал несколько звонков. Вес у него в негласной табели о рангах региона куда выше был, чем у мэра. И как-то вдруг никакое дело не возбудили и даже извинились за ошибку.

А отец Николай, уходя из большого кабинета, пообещал не надоедать больше своим присутствием, но перед тем, как уйти, вдруг подошёл к оторопевшему чиновнику, обнял его и тихо сказал: “Бог любит тебя!”

Анна Дмитриевна читала Коле книгу, которую он так любил, а вместе с ним и она её полюбила. Отец Николай в последнее время часто слушал её, задумчиво сидя в кресле рядом с женой и внуком, который всё больше поражал священника.

Анна дошла до места про невинно осуждённых вельмож, которых святитель спас от незаслуженной казни. Они были свидетелями того, как святитель Николай выхватил меч из рук палача, не дав казнить трёх оклеветанных горожан, чья невиновность потом была доказана. Этих сановных людей поразило тогда не только бесстрашие архиерея, остановившего казнь, но и то, как близко к сердцу он принял чужую беду и — самое удивительное — он действовал с такой властью, что не послушаться его было невозможно.

Через какое-то время помощь понадобилась уже этим вельможам: столичный мэр оклеветал их перед императором, выдвинув тяжкое обвинение в государственной измене, наказанием за которое была смерть. Несчастные в темнице вспомнили тогда святителя Николая. “Если бы он был здесь, то и нас спас бы, как тогда горожан!” — подумали они. И хотя святой был далеко от них, невинно заключённые обратились к нему с горячей мольбой, веря, что он услышит их, невзирая на расстояние.

И святитель Николай действительно их услышал. Он явился во сне императору и мэру; было новое разбирательство дела, в результате которого сановников не только оправдали, но и восстановили во всех правах.

Мальчик с интересом слушал это повествование, его глаза горели.

— А ведь святитель Николай и дедушке помог поступить так же, как он! — сказал вдруг Коля.

— Что ты такое говоришь? — удивилась Анна. — Ну, про узелочки с золотом, да, была определённая аналогия, а к этому какое отношение наш отец Николай имеет?

В глазах священника читалось неподдельное удивление от того, что сказал внук, но одновременно блеснули озорные искорки: ему показалось забавным, что жена считает, что он ничего подобного не может.

— А ведь Коля прав, — мягко сказал он. — Вот послушай, что у меня было не так давно...

И рассказал слушавшей его с широко открытыми глазами Анне про свою работу в комиссии по помилованию. Про эту сторону жизни мужа она ничего не знала. А Николушка как будто бы всё знал, по крайней мере, такое впечатление стало складываться у его деда.

Защита веры

Однажды отец Николай пришёл домой сам не свой. Только зашёл, как без сил опустился в кресло, закрыв глаза. Анна в это время читала Коле житие святителя Николая Чудотворца: “В одно из соборных заседаний святитель Николай, не стерпев богохульства Ария, в присутствии всех ударил этого еретика по щеке. Отцы Собора сочли такой поступок излишеством ревности, лишили святого Николая преимущества его святительского сана — омофора — и самого заключили в башню. Но вскоре, убеждённые в правоте такого поступка великого угодника Божия видением, в котором перед очами некоторых из них Господь наш Иисус Христос подал ему Евангелие, а Пречистая Богородица возложила на рамена его омофор, они освободили его из заключения, возвратили ему прежний сан и почтили его, как великого угодника Божия”.

— Про Первый Вселенский Собор читаете? — оторвавшись от терзавших его мыслей, грустно спросил отец Николай.

— Да, — ответил Николушка.

— А ты всё понимаешь, что произошло? Тогда, в 325 году в городе Никее Церкви предстояло ответить Арию, учившему, что во Христе воплотился не Бог. Арий был человеком необычайной учёности и так красноречив, что все ему верили; для разбора созданного им учения при поддержке первого христианского императора Рима был созван первый в истории Церкви Вселенский Собор, на который приехали триста восемнадцать епископов, и все они не могли найти слов, чтобы доказать, что арианство — это лжеучение. Не нашёл слов и Святитель Николай, ударивший еретика...

— А разве можно что-то дракой решить? — удивлённо широко раскрыл глаза Коля.

— Даже не знаю, что и сказать... — грустно вздохнул отец Николай. — Христианство — это религия, которая учит тому, чего по всем законам человеческой логики не может быть: что сам Бог для того, чтобы спасти людей, во Христе соединился с человеческой природой. Мыслившему логично Арию казалось, что намного правильнее будет верить в то, что во Христе воплотился лишь один из высших духов, великий, но сотворённый. А святитель Николай сердцем чувствовал то, что Церковь поёт в одном из песнопений: “Не Ходатай, не Ангел, но сам Господь воплотился”... Но не было у него слов, чтобы опровергнуть учёнейшего богослова его времени, вот и нанёс он пощечину...

— Получается, что от бессилия? — вступила в разговор матушка Анна.

— От человеческой немощи, в которой совершается сила Божия. Его поступок был так необычен, что привлёк внимание всех отцов Собора; они начали ещё тщательнее искать возражения еретику и нашли их. А многим из них были видения от Господа, после которых святитель Николай был оправдан и восстановлен в своём архиерействе.

— Дедушка, а у тебя что случилось? — спросил вдруг Коля.

— Даже не знаю, как и сказать... Начну издалека. На Украине есть те, кто называет себя Киевским патриархатом, но на самом деле это раскольники, они вне Церкви. Во главе их называющий себя патриархом Филарет. Когда-то он имел очень большие шансы стать Московским патриархом, но не стал; гордыня его этого не стерпела, вот он и учинил раскол. Совместная молитва с раскольниками за богослужением — очень большой грех. И вот к нам приехал так называемый митрополит от этого Филарета, но под видом православного архиерея из Украины. Наш владыка, естественно,

не знает украинский епископат, я бы и сам не знал, но этого-то “митрополита” я лично знаю, причём не с самой лучшей стороны. Но дело не в его личных качествах: каждый сам отвечает перед Богом за свою жизнь. А дело в том, что раскольник этот вознамерился служить с нашим владыкой под благовидным предлогом — якобы он проездом здесь и хочет вместе помолиться о мире на Украине, а совместное богослужение с раскольником — кощунство, преступление против Церкви!

— И? — с замиранием сердца спросила Анна.

— Я говорю секретарю: так и так, нельзя этого допустить. А он сам с Украины, у них общие знакомые, связи. Он мне и говорит: ты в это не суйся, тут дело политическое, не твоего ума. Короче, в первый раз за последние сорок лет я человека ударил, к тому же не простого, а архимандрита...

— А владыка всё равно служил с этим раскольником? — деловито спросил Коля, наморщив лоб.

— Единственное, что здесь радуется, — нет, — улыбнулся отец Николай. — Такой скандал поднялся, секретарь хотел меня в милицию отправить, но наш архиерей сначала захотел меня о причинах расспросить, почему я так поступил — очень уж это на меня было не похоже. А расспросив, решил ни сам не служить с гостем, ни давать ему вообще служить в наших храмах. Но меня пока запретил в священнослужении. Завтра дисциплинарная комиссия назначена. Секретарь настаивает, чтобы меня сана лишили, потому что положено так по канонам, если священник кого-то ударит. И ещё сходил, снял побои, говорит, что если не извергнут меня из сана, то он в милицию заявление напишет, а за такое года на два могут посадить...

Матушка Анна побелела, а Николушка подошёл, взял деда за руку и сказал:

— Дедушка, святитель Николай что делал в этой ситуации, как ты думаешь?

— Что? — машинально спросил священник.

— Молился. Давай и мы сейчас все вместе помолимся втроём. Бабушка, ты почитай нам акафист святителю Николаю Чудотворцу, хорошо?

Анна достала акафист, надела платок.

— Дедушка, вставай, — настойчиво потянул отца Николая за руку внук. — Когда акафист читают, сидеть нельзя.

Священник улыбнулся, но встал. Станным образом, по мере того, как жена читала акафист, а внук на коленях горячо молился о чём-то, глядя на икону святителя, в душу отца Николая входили мир и тишина...

На другой день вечером он пришёл домой радостный и весёлый.

— Представляете, — с порога начал рассказывать священник с нетерпением ждавшим его жене и внуку, — на комиссии все за меня оказались, и сам владыка тоже. Выяснилось, что секретарь хотел специально нашего архиерея этим подставить, что-то ему за это обещали. Так что теперь его, наверное, у нас не будет в епархии. Владыка только сказал мне с усмешкой: “Больше не дерись, а то понравится ещё; станешь драчуном на старости лет”.

— А что с милицией? — с замиранием сердца спросила Анна.

— Там ещё интереснее получилось, — засмеялся священник. — Он туда пришёл заявление подавать, а начальник милиции ему говорит: “Это какой отец Николай? Из комиссии по помилованию? — Да. — Но он же хороший человек!” Секретарь растерялся, стал объяснять, что да, он хороший, человек, но он ведь вот по лицу его ударил. А начальник милиции говорит: “А вы сами свою морду в зеркало видели? По такой ведь грех не ударить!” И как бы между прочим рассказал ему, что ФСБ очень заинтересовалось тем, что он в нынешней политической ситуации религиозными провокациями занимается. Так что теперь ему явно до себя самого.

— Тебе его совсем не жалко? — серьёзно спросил Коля, заглядывая в глаза деда.

— Кого?

— Секретаря.

— Если честно — нет, — засмеялся отец Николай.

— А мне жалко, — грустно сказал Николушка. — Он очень несчастный человек.

Священник переглянулся с женой, и они обняли внука.

Странная поездка

Отец Николай, зайдя в комнату, начал что-то искать в шкафу. Его жена в это время читала Коле о том, как корабельщики хотели обмануть святителя Николая и увезти его не туда, куда он их просил, но по молитве ветер сам отнёс корабль в Ликию.

— Дедушка, а что они хотели с ним сделать? — спросил вдруг Коля.

— Кто же их знает, — пожал плечами отец Николай, продолжая разбираться в шкафу. — Вряд ли хорошее.

— А у тебя в жизни было что-то подобное? — спросил его вдруг внук.

— Чтобы ветер принёс корабль в другую страну по моим молитвам? Нет, конечно! — засмеялся священник. — Хотя... Если сравнивать не так буквально... Была однажды вот какая ситуация. Нужно было мне из одного и не особо ведь отдалённого села добраться в областной центр. А выбраться оттуда — целая история. И вот нашлась попутная машина — чёрный “вольво” и три бритоголовых молодых человека, которые якобы туда же едут. Сел я в их машину, но вскоре смотрю: не туда они едут! Сказал им, а они молчат. И ничего доброго их молчание не предвещает. Стал я молиться тогда про себя святителю Николаю. И вдруг останавливает нас милицейская машина. У моих попутчиков сначала презрительные усмешки при виде её появились, но потом они как увидели, что милиционеров четверо, а у двух автоматы, так улыбаются сразу и перестали. А старший милиционер спрашивает: куда едете? Я, не давая опомниться моим попутчикам и говорю: “В областной центр”. Тот удивился: “Так это же в другую сторону”. Я выжидательно смотрю на парней в машине, что они скажут. А им что сказать? Что попа не туда увезли? А зачем? Водитель и говорит: “Что-то мы с дороги сбились”. А милиционер говорит: “А мы вас сопроводим”. Там не так много было ехать, километров сорок всего. Но пришлось им проехать, не гонимым ветром, а сопровождаемым милицейской машиной. И доставили меня в мой город. Я предусмотрительно вышел подальше и от дома, и от храма, где служу.

— А что они от тебя хотели, дедушка? — с широко раскрытыми глазами спросил Коля.

— Ну, а вот кто же их знает? — усмехнулся отец Николай. — Но только на прощание один из них мне сказал: “Крушно повезло тебе сегодня, поп. Видимо, в рубашке ты родился”.

Разрушение храма Венеры

Когда Анна прочитала о том, как святитель Николай уничтожил языческое капище, Коля спросил:

— Дедушка, а разве разрушением чужих святынь можно привести людей к вере?

Вопрос застал отца Николая врасплох. А внук и заинтересованная тем, что он ответит, жена выжидательно на него смотрели.

— Дело в том, что время тогда было очень жёсткое. И святитель Николай ведь при жизни застал гонения на христиан, которых зачастую не просто убивали, а подвергали перед этим жесточайшим мучениям, требуя от них отречения от Христа Спасителя. Поэтому для того времени как нечто естественное воспринималось то, что когда имперская политика переменялась и христианство из гонимой стало государственной религией, началось разрушение языческих храмов...

— Но не было ли это просто свидетельством низкой культуры христиан того времени? — вступила в разговор Анна Дмитриевна. — Зачем разрушать уникальные памятники архитектуры?

— Они не смотрели на это так отвлечённо, — задумчиво ответил священник. — Для них это были не культурные центры, а места, где царствовали силы тьмы, с которыми они воевали, вражеские крепости, которые укреплялись от тех молитв и ритуальных действий, которые там совершались. И они, по их представлению, должны были разрушиться, чтобы потерять силу.

— А многочисленные разрушения христианских храмов в разных местах, в разные периоды истории — это тогда, получается, как бы ответный удар? — продолжала Анна.

— Наверное, можно и так сказать.

— А если бы христиане не разрушали языческие храмы, то, может быть, и христианские храмы не разрушали бы?

— Первые христиане вообще ничего не разрушали, а их мучили и казнили. Они были законопослушными гражданами. В первые века христианства христиан гнали, в том числе и за их нежелание поклоняться идолам, которым кланялся окружающий мир. Это было время религиозного упадка, никто в Римской империи уже не верил, что Юпитер или Венера — это боги. Религиозный упадок совпал с закатом могущества императора. Римская империя собрала в себе множество государств, народов, религий. Им необходимо было объединяющее начало. Таким началом стал культ обожествления императора: каждый житель империи волен был исповедовать ту религию, какую пожелает, но раз в год он должен поклониться изображению императора и сжечь щепотку ладана перед статуями Юпитера, Аполлона или ещё какого-нибудь идола. Это действие превратилось с течением времени в механический обряд, но и его отказывались исполнять христиане, не желающие кланяться идолам. Они помнили слова Писания: “Господу Богу тво-ему поклонись и Тому Единому послужиши”. Христиане признавали императора как власть и были примерными гражданами, но они отказывались признать его богом. Это, а также отказ христиан включить Христа в римский Пантеон, где римляне собрали божества всех завоеванных ими народов, послужило причиной обвинения их в атеизме и политической неблагонадёжности. На христиан начались гонения, продолжавшиеся в течение нескольких веков. Оставалось утешаться словами Христа: “В мире скорбны будете, но дерзайте, потому что Я победил мир”. Через несколько веков христианство восторжествовало, царь Константин объявил его государственной религией. Но сколько сотен тысяч христиан погибли в результате гонений в течение этих нескольких веков!

— То есть они как бы мстили? — продолжала спрашивать Анна.

— Не думаю, что это можно так назвать.

— А ты сам стал бы разрушать языческие храмы? Вот ты рассказывал, как плакал, когда взорвали храм в твоём родном селе; помню, как ты уже при мне плакал, когда закрыли первый храм, в котором ты служил.

— Ну, памятники советским вождям я бы точно не стал ломать, — осторожно ответил священник. — А что касается разрушения языческого храма — не здания, а места совершения непотребных действий... Однажды в моей жизни было что-то похожее. Помнишь, в восьмидесятые в райцентре, где я тогда служил, была секта хлыстов, которые собирались в частном доме на свои радения. Они занимались там примерно тем же, что и посетители храма Венеры, который святитель Николай в итоге всё-таки разрушил...

— Афродиты, — поправил его внук.

— Верно, — согласился священник, — у греков ее называли Афродитой. Венерой её звали римляне. Но суть одна и та же.

— А чем они там занимались? — тихо спросил Коля.

— Это не только тебе не нужно знать, но и я рад был бы, если бы не знал, — горько усмехнулся отец Николай.

— Их ведь власти прикрыли тогда... — что-то вспоминая, сказала матушка Анна.

— Да. Прикрыли, потому что я пошёл к уполномоченному и заострил этот вопрос. И встречался ещё с представителями КГБ, милиции и прокуратуры. С точки зрения наших современных либералов, я получаюсь либо как бы стукач, либо недобросовестный конкурент, использующий любые

средства для ликвидации конкурирующей фирмы. Но сердце моё подсказывает мне, что я всё правильно сделал...

— А ты всё правильно и сделал! — сказал вдруг Николушка и обнял деда.

Чудо

Однажды бабушка, как обычно, читала Коле о чудесах Николая Чудотворца и дошла до места, где он воскресил мёртвого юношу. Коля вдруг увидел слёзы на глазах Анны Дмитриевны.

— Что с тобой, бабушка? — с тревогой спросил мальчик.

— Мне очень сложно в это поверить... — тяжело сказала она. — Моей дочки, а твоей мамы нет с нами уже целых четыре месяца. Если бы не ты, не представляю, как я это пережила бы. У меня был такой ропот на Бога, на то, что Леночку забрал раньше меня. Ты помог мне смириться, наверное, святитель Николай Чудотворец тоже помог, мы ведь вместе с тобой ему молимся. И я научилась видеть те чудеса, которые рядом с нами и которые раньше я не видела; стала верить сильнее, чем раньше. Но когда я слышу про то, как мёртвые воскресают, у меня появляются не оправданные ничем надежды. Ведь тело Лены так и не нашли после крушения самолёта, кстати, как и тело твоего отца... А такие мысли нельзя пускать в сердце — не очаровывайся и не будет разочарований. Стоит же только поверить в несбыточное, как боль от того, что оно не станет явью, будет нестерпимой... Тебе сложно, наверное, всё это понять...

— Я всё понимаю, — серьёзно сказал Николушка и обнял бабушку.

Та улыбнулась сквозь слёзы, а потом вдруг сказала:

— Что-то у нас табачным дымом пахнет. Неужели опять дедушка безобразничает?

Отец Николай в своей жизни никогда много не выпивал, а уж про то, чтобы курить — ему такое и не приснилось бы. Но после известия о смерти дочери он стал иногда позволять себе выпить лишнего, а выпив, начинал и курить...

— Это ведь плохо! — серьёзно сказал ему как-то внук.

— Я знаю, — усмехнулся тогда священник. И больше они с ним об этом не говорили с тех пор.

Анна Дмитриевна и Николушка зашли на кухню. Отец Николай в тельняшке и трико сидел у стола, на котором стояла почти полностью выпитая бутылка водки, и курил, стряхивая пепел в чайное блюдце вместо пепельницы.

— Ну, зачем ты опять? — мягко сказала ему жена. — Я понимаю, что тебе больно, но разве это выход? И Николушка страдает из-за того, что переживает за тебя.

— “Мне всё равно, страдать или наслаждаться”, — с грустной усмешкой сказал ей муж.

— А нам не всё равно, подумай о нас, — так же мягко сказала Анна, а Коля просто смотрел на деда широко раскрытыми глазами.

— Ты права, я постараюсь с этим справиться, — сник священник.

— Правда? — спросил Николушка, и его глаза просияли.

— Правда.

— А ты сможешь вообще не пить и не курить никогда?

— Наверное, смогу, — грустно засмеялся отец Николай. — Я ведь всю жизнь как-то без этого обходился.

— А тогда ты можешь попросить у Бога то, чего ты хочешь сильнее всего, и Он тебе это даст! Проси только сейчас, но не выдумывай ерунды! Оправданий на то, что ты пьяный, не будет! — как-то торжественно произнёс мальчик, и даже Анна вздрогнула.

— Николушка, ты что такое говоришь? — осторожно сказала она.

— А вы вместе попросите — одно желание на двоих, оно сбудется! — сказал Коля, и взял их за руки.

— Я помню, читал одну атеистическую книгу когда-то, — медленно сказал отец Николай. — Маленькая, зелёная, в тонкой обложке, на которой был изображён задумавшийся священник. Называлась она “Чудо”. В книге рассказывалось о молодом аббате, который был искренне верующим, но ещё духовно не сформированным человеком. И вот к нему обратилась одна мать, которая искренне верила, что если он возложит руки на её сына, то он исцелится от паралича ног. Уступив её просьбам, священник сделал то, что просила женщина. И юноша исцелился. Но аббат не понял той очевидной вещи, что это произошло не из-за него, а из-за веры матери в исцеление сына. И он начал потом возлагать руки на массу больных, никто из которых, естественно, не исцелился. И чудо обратилось кощунством и в итоге потерей веры, ещё недостаточно глубокой у самого священника. В послесловии этой книги приводилось разъяснение феномена, которое меня ещё более убеждает в том, что любое чудо тесно связано с верой. Там говорилось об одной слепой еврейке, которая верила, что если ей принесут воды, освящённой в конкретном месте, то она, умывшись ею, исцелится. Слепая послала за водой свою служанку. А той лень было идти куда-то; она набрала воды просто в луже неподалёку от дома, принесла хозяйке, а та, умывшись этой грязной водой, прозрела... Ты ведь знаешь, о чём мы мечтаем... Елена так и не нашлась, вдруг она жива. Мы понимаем, что ты просто маленький мальчик, наш внук, но иногда нам кажется, что через тебя Бог к нам обращается. И если мы сейчас поверим, то потом разочарование будет очень сильным... Я боюсь...

— А ты не бойся! — серьёзно сказал Коля. — Тем более что ты уже просто так дал Богу обещание исправиться в чём-то важном, Он примет твою жертву. И ты, бабушка, дай такое обещание.

— Я же не пью и не курю, — улыбнулась Анна Дмитриевна, но сама дрожала.

— Ты знаешь, о чём.

— Чтобы я не мечтала больше о том, чтобы Леночка выжила и нашлась, а твой отец нет, она нашла бы себе хорошего мужа, а тебя оставила с нами? — простодушно спросила она, и даже отец Николай чуть не упал со стула от услышанного.

— Я не думал, что всё плохо до такой степени, но да, — грустно ответил Коля. — А теперь давайте попросим Бога...

Они взялись за руки и молчали несколько минут. Вдруг зазвонил телефон.

— Подойди, это Бог будет с нами говорить! — сказал Николушка деду.

Тот с подозрением посмотрел на внука, не сошёл ли он с ума, но взял трубку. По мере услышанного лицо его менялось, он дал знак жене, чтобы она принесла ему ручку и бумагу, и стал что-то записывать дрожащей от волнения рукой.

— Представляете, — сказал он, закончив разговор, — сейчас позвонили из заграницы. Я не знаю, кто ты такой, Николай, вроде бы наш внук. Не знаю, что ты сделал. Но твои родители живы. Их нашли без документов, они были в коме, но сейчас пришли в себя, причём одновременно; они всё помнят, назвали этот телефон... Главный врач сейчас звонил, сказал, что прогноз хороший, что скоро их отправят в Россию, и какой-то русский оплатит их пребывание в больнице и оплатит перелет.

— Кто этот человек? — машинально спросила Анна, плохо понимающая, что происходит.

— Он пожелал остаться неизвестным, сказал только, что его зовут Николай Игоревич и что никто ему ничего не должен... — растерянно ответил отец Николай и спросил внука: — Николай, как ты сделал это?

— Это не я, это он! — улыбнулся мальчик и показал дедушке с бабушкой на икону святителя Николая Чудотворца.